

К 130-летию со дня кончины И. С. Аксакова

Д. А. БАДАЛЯН

**«...ЗАГОРЕЛСЯ СЫР-БОР
ЗА СТАТЬЮ О ДУХОВЕНСТВЕ»**

**Газета «День» в переписке И. С. Аксакова
и князя Д. А. Оболенского (1861 — 1862)**

Для цензурной истории газеты «День» или, говоря шире, истории отношений ее редактора-издателя И. С. Аксакова с властью в первой половине 1860-х гг. особое значение имеет его переписка с двумя адресатами, служившими посредниками в контактах между редактором «Дня» и правительственные кругами. Они являлись своего рода ходатаями за Аксакова перед представителями власти, но через них же власть пыталась оказать влияние на редактора «Дня». Первая из них — это фрейлина графиня А. Д. Блудова. Письма Аксакова к ней, хотя и с купюрами и в далеко не полном составе, опубликованы. Второй адресат — князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881). К началу 1860-х гг. он имел чин действительного статского советника, являлся статс-секретарем. После увольнения с должности директора Комиссариатского департамента Морского министерства (в которой провел свыше семи лет) Оболенский был назначен председателем Комиссии для рассмотрения замечаний на проект Устава о военно-морском суде. Вскоре он стал председателем Комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгопечатании и 19 ноября 1862 г. получил чин тайного советника. Позже, в 1863—1870 гг., он служил директором Департамента внешней торговли Министерства финансов, в 1867 г. временно исполнял обязанности министра финансов. В 1870—1872 гг. князь являлся товарищем министра государственных имуществ (и заменял министра во время болезни).

С 1872 г. Оболенский стал членом Государственного совета, а за год до смерти получил чин действительного тайного советника.

Что же объединяло высокопоставленного чиновника с подозрительным в глазах власти журналистом Аксаковым? Князь был двоюродным братом другого славянофила Ю. Ф. Самарина, однако главное: Аксаков и Оболенский — друзья детства, познакомились они в Москве в середине 1830-х гг., потом четыре года вместе провели в Петербурге, в Императорском Училище правоведения. Первые месяцы службы у них обоих прошли в уголовном департаменте Правительствующего Сената.

24 января 1881 г., через день после кончины князя, Аксаков писал Е. А. Свербеевой: «Да, смерть Дмитрия Оболенского — личное для меня горе. У меня с ним были не столько дружеские, сколько братские отношения в течение 42 лет! Член Государственного Совета, он был для меня *Митя*. Ему первому, в Училище, бывало, повериля я первые мои опыты поэтические. Он же, с своей стороны, ни разу, никогда ни при каких обстоятельствах не изменил этой товарищеской и братской связи, хотя иногда в Петербурге это ставилось ему в вину и отчасти было причиной, почему не дали ему министерского места. (Правда — тут помехою были не только его отношения ко мне, но и к Самарину.) Это умирает теперь последний мой сверстник и близкий мне человек».¹

¹ РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 45. 3 апреля 1870 г., через месяц после назначения Оболенского товарищем министра государственных имуществ, Ф. И. Тютчев писал своей дочери А. Ф. Аксаковой, вероятно, намекая на ее мужа: «Недавно здесь в связи с назначением князя Оболенского всплыло другое имя, и его не слишком испугались. Зато известная клика сильно озлилась, если не всполошилась...» (Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М., 2004. Т. 6. С. 382). В 1872 г. перед Оболенским возникла перспектива получить должность министра государственных имуществ или министра торговли и промышленности. Но его родство и дружба с Самарином дали повод к некоторой компрометации в глазах Александра II. Особенно в этом усердствовал начальник III отделения гр. П. А. Шувалов. Узнав об этом уже после смерти Самарина, Оболенский писал: «Меня это нисколько не удивляет и ни минуты не заставляет сожалеть о том, что не отказался от сочувствия к человеку, с убеждениями которого я всею душою сроднился, и в потере и в превратном понимании которого вижу большое несчастье для России» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. СПб., 2005. С. 393).

Дошедшая до нас часть переписки Аксакова и Оболенского хранится главным образом в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Среди прочих здесь находятся 21 письмо, в которых так или иначе идет речь о газете «День». Из них в первых двух (февраля-марта 1861 г.) Аксаков говорит лишь о намерении выпускать новое издание. 9 писем Аксакова и 4 письма Оболенского (17 декабря 1861 — 5 июля 1862) относятся к первому и, пожалуй, самому драматичному периоду издания «Дня». Наконец, существует еще 5 писем Аксакова и одно Оболенского, датируемых в пределах 21 февраля — 22 мая 1863 г.

В 2012 г. С. В. Мотин опубликовал относящиеся к 1860-м гг. письма Аксакова к Оболенскому (а также к О. Ф. Миллеру) в составе четвертого выпуска «Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества». Письма эти были напечатаны в совершенно неисправном виде, без соблюдения элементарных норм археографии и при этом со ссылкой на автора этих строк. Действительно, составитель «Материалов...» получил от меня тексты этих писем для частичного использования имеющейся в них информации. Ему было специально указано, что работа над текстом передаваемых писем еще не закончена. После этого С. В. Мотин никогда не просил у меня о разрешении на их публикацию, а я не давал ему такого разрешения. Речь об этом казалась неуместной уже потому, что жанр летописи не предполагает помещения в ней целых писем. Таким образом, осуществленная С. В. Мотиным публикация в научном отношении безграмотна и сделана обманным путем.

Впервые о планах нового издания Аксаков сообщил своему другу в самый день оглашения манифеста об отмене крепостного права, 19 февраля 1861 г. Заявив, что товарищ министра народного просвещения Н. А. Муханов не расположен к Аксаковым, он тут же добавил: «Если же ты думаешь, что правительство теперь смотрит на славянофильство иначе, я этому очень рад и скоро это испытаю на деле: я подал просьбу о дозволении мне издавать журнал и газету, в виде прибавления... Посмотрим, разрешат ли».² А в конце того же письма Аксаков добавлял: «Жду разрешения на свою просьбу о журнале: вот помоги мне в этом деле, оно для меня существенно важно; помоги просто, не запинаясь за „благора-

² РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 49.

зумие“. Поверь мне, что петербургский практицизм, петербургское благоразумие есть мать всех пороков». ³

Дело Аксакова, известного властям как редактор запрещенных (и не просто цензурой, а с ведома императоров) «Московского сборника» и газеты «Парус», продвигалось медленно. С самого начала ему дали понять, что не стоит рассчитывать на выпуск сразу двух изданий. 20 марта 1861 г. Аксаков сетовал Оболенскому: «Я хлопочу о газете, но, несмотря на снятие уз с 23 миллионов людей, мои узы все еще не разрешены. Так грустно и обидно — не иметь возможности сказать свое слово в эти многозначительные минуты. А правительство обижается, что к нему, что бы оно ни делало, относятся постоянно отрицательно, критически! Да как же быть иначе, когда оно постоянно дает себя чувствовать гнетом и стесняет свободу ваших к нему отношений. (...) Эх, Бог вам судья!» ⁴

В марте Аксаков заручился поддержкой министра народного просвещения Ев. П. Ковалевского (в чьем ведении находилась цензура), и в следующем месяце министр ходатайствовал о разрешении «Дня» перед Александром II. Он было одобрил издание. Однако то, что министр обратился к императору, минуя III отделение, вызвало возмущение его начальника кн. В. А. Долгорукова и управляющего А. Е. Тимашева. Дело, как и требовал закон, поступило на рассмотрение в Главное управление цензуры, а затем (что уже выходило за рамки обычной практики) — в Совет министров. На этом уровне поддержка Оболенского вряд ли могла иметь существенное значение.

15 мая газета «День» была официально разрешена, но без политического отдела, и стоит подчеркнуть: император Александр II распорядился иметь за «Днем» «особенное наблюдение». ⁵ Поэтому с самого начала газеты каждый ее номер вычитывался в цензуре трижды: двумя цензорами и председателем комитета М. П. Щербининым. Если — что было нередко — у одного из них какая-либо статья вызывала сомнения, ее выносили на обсуждение комитета.

«День» начал выходить 15 октября 1861 г. К этому времени Министерство народного просвещения возглавил уже гр. Е. В. Путятин. Однако 25 декабря он был отправлен в отставку, и еще за неделю до того, 17 декабря, Аксаков писал Оболенскому: «Ка-

³ Там же. Л. 49 об.

⁴ Там же. Л. 51—51 об.

⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5658. Л. 18.

жется — теперь уж нет сомнения, что Головнин назначен министром нар~~одного~~ просвещения. Я со своей стороны очень рад».⁶ В действительности, приятель Оболенского по совместной службе в Морском министерстве А. В. Головнин стал управляющим Министерством народного просвещения, а в должности министра император утвердил его лишь 6 декабря 1862 г. Но примечательнее другое: не прошло и полутора месяцев с назначения Головнина, Аксаков был вынужден посвятить ему целое письмо. Оно было передано князю с окаяней, поэтому автор не сдерживал себя в эмоциях. «Что это Головнин? Можно ли так скоро уронить себя совершенно в общественном мнении, — воскликнул Аксаков 6 февраля 1862 г. и продолжал: — Никто ему не верит, все называют его лицемером и эгоистом. Так отзывались об нем при самом его вступлении в должность, я защищал его, но теперь он поспешил с своей стороны подтвердить справедливость всех обвинений и подозрений».⁷

Что же произошло, что Аксаков так быстро переменил свое мнение? Эта история требует подробного исследования.

Еще в декабре, пользуясь посредством Блудовой, Головнин направил издателю «Дня» записку, о которой известно из письма Аксакова к графине. Новоиспеченный государственный деятель интересовался, чем он может быть полезен «Дню» и предлагал его редактору встретиться в Петербурге. Ответное письмо Аксакова к Блудовой датировано 26 декабря. Головнин получил указ о своем назначении вечером 24 декабря, перед самым Рождеством.⁸ Значит, к Аксакову он обратился на следующий день после этого.

Аксаков сообщил Блудовой, что из-за редакторских забот сможет покинуть Москву не ранее 6 января 1862 г. и только на

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 52. Такая информированность Аксакова не удивительна. Слухи о предстоящей смене министра распространялись в столице с начала декабря. П. А. Валуев еще 2 декабря услышал об этом от кн. В. А. Долгорукова, а 6 декабря записал в дневнике: «Государь говорил о выходе Путятина, назначении на его место Головнина» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 131).

⁷ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 58. Согласно воспоминаниям А. М. Унковского, Аксаков поначалу восторженно утверждал: Головнин — «все равно, что Герцен» и добавлял: «Свобода, никакой цензуры, печатай, высказывайся сполна, — вот счастье, понимаете» (Записки Алексея Михайловича Унковского // Русская мысль. 1906. № 7. С. 95).

⁸ Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 214.

два дня.⁹ По приезде в столицу он провел в ней все же три дня, 7—9 января. Однако навестить управляющего министерством не спешил, и в первый день они не виделись, а затем тот сам пригласил Аксакова к себе.¹⁰ Очевидно, Головнин, озабоченный созданием себе репутации либерального деятеля,¹¹ обнадежил его насчет существенных изменений в цензурной политике. Как позднее рассказывал Блудовой редактор «Дня», управляющий министерством говорил ему о потребности в «содействии всех честных людей, умных, просвещенных» и просил прислать ему записку.¹² Какую именно — Аксаков не пояснял, но, вероятно, с изложением его взглядов на необходимые преобразования в цензуре и указаниями на статьи «Дня», которые «помогали правительству» — с этим Головнин обращался и к другим издателям.¹³ И еще позже Аксаков обмолвился о просьбе великого князя Константина Николаевича, переданной ему, судя по всему, тем же Головнином. Она касалась «разрешения» неких «трех исторических задач».¹⁴

Вероятно, сразу же после этой встречи Головнин в своей первой «всеподданнейшей докладной записке» представил на рассмотрение Александра II две статьи, предназначенные для публикации в «Дне». Утром 9 января управляющий министерством получил их

⁹ И. С. Аксаков в его письмах. М., 2004. Т. 3. С. 383.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 155.

¹¹ В это время К. И. Лебедев писал: «Новый министр просвещения, Головнин действует в самом либеральном духе. Он предполагает дать преподаванию и печати широкую свободу» (Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. № 3. С. 379). К примеру, в первые же дни управления министерством Головнин нанес несколько визитов петербургским литераторам и журналистам, включая издателя «Современника» И. И. Панаева (*Старообрядческая Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении* (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 77—78).

¹² И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 385.

¹³ Старообрядческая Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы... С. 154. Представления литераторов о необходимых изменениях в деятельности цензуры составили вторую часть сборника «Мнения разных лиц о преобразовании цензуры», который в феврале 1862 г. ограниченным тиражом выпустило Министерство народного просвещения.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 22. Л. 60 об. В письме автор обозначил великого князя «В. К.», однако при публикации эти буквы были заменены многоточием (И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 385).

с заключением императора: «Статью Грабовского,¹⁵ по моему мнению, можно пропустить без всякого затруднения, напротив того, в статье Аксакова нахожу ту же двусмысленность, которую он упрекает нашей литературе вообще, и потому ее печатать не следует. Мысль его я одобряю, но можно было бы выразить ее иначе».¹⁶

14 января Аксаков узнал, что три дня назад Головнин направил председателю Московского цензурного комитета письмо. Управляющий министерством заявил в нем, что передовая о дворянстве (в которой Аксаков призвал это сословие к самоуничтожению) и статья о древних Земских соборах из номера «Дня», вышедшего в свет 6 января (накануне поездки Аксакова) «по смыслу цензурного устава не должны бы быть пропущены» и из них «даже при возможном снисхождении, следовало бы исключить многие места». Поэтому Головнин требовал отчета в этом «непростительном опущении».¹⁷

Одновременно с этим московский комитет получил циркуляр от 12 января. В нем говорилось о «явных опущениях» цензоров, которые «весьма слабо исполняют обязанности, возложенные на них цензурным уставом». Заявив, что ожидаемые изменения правил о печати не дают основания нарушать действующие законы, Головнин распорядился: «...строжайше предписать гг. цензорам ис-

¹⁵ Михаил Грабовский (Grabowski; 1805—1863) — польский критик, писатель, сторонник славянского единения. Статья Грабовского «Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и западных губерниях» (День. 1862. 20 янв. № 15. С. 7—10; 27 янв. № 16. С. 5—8) явилась реакцией на статьи председателя Киевской археографической комиссии М. В. Юзефовича в газете «Le Nord». Статью Грабовского передали Александру II вместе с письмом автора Юзефовичу (на французском языке), в котором тот выражал сомнение, что ее опубликуют.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 2. «Статья Аксакова» — это передовая для номера от 2 декабря 1861 г., не пропущенная прежде московским цензурным комитетом (см.: Неопубликованная передовая статья И. С. Аксакова для газеты «День» от 2 декабря 1861 г. / Публ. Д. А. Бадаляна // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. Сб. научных трудов. Вып. 17. СПб., 2014. С. 256—270). Оценка императора имела основания. Аксаков объяснял Блудовой, что в этой статье пытался говорить о свободе слова, заменяя это выражение на «откровенность слова» и т. п. (И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 376).

¹⁷ Письмо Головнина к Щербинину приводит Аксаков в своем письме к Блудовой от 14/15 января 1862 г. (И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 386).

полнять нынешние цензурные правила без малейшего послабления, под личную их ответственность».¹⁸

После этого Аксаков в возмущении писал Блудовой ночью с 14 на 15 января: «Что это значит, дорогая графиня? От Вас письма объяснительного нет, а между тем совершилось то, чего не было от начала газеты! Да и вообще ни разу при графе Путятине цензура не получала ни замечания за „День“, ни такой остротки, какую задал им А. В. Головнин! Положение мое вышло преглупое. Я просто в дураках! И зачем я Вас послушался и приехал в Петербург? Вот Вам и „споразумление“, вот и „содействие“, обещанное Головниным и которого я вовсе не просил! Так меня обмануть, так рано снять маску — невыгодно для нового министра».¹⁹ Далее, Аксаков добавлял, что теперь не считает себя обязанным исполнять просьбы, с которыми обратился к нему управляющий министерством. Впрочем, в том же письме он спрашивал: «Может быть, произошло что-нибудь ужасное со времени моего отъезда, что побудило Головнина поступить именно так?» Аксаков говорил, что хотел было обратиться к нему с письмом, но решил подождать объяснений от Блудовой.²⁰

Графиня же начала свой ответ не с объяснений, а с упреков в резкости и невоздержанности суждений самого Аксакова. Она писала: «Меня Вы никогда не слушаетесь, потому что я женщина — вероятно, Головнина не послушаетесь, потому что он министр. Батюшка уже перестал даже давать Вам советы, потому что он видит, как это излишне, — его не слушаетесь, вероятно, потому что он стар. Тютчева не слушаетесь, потому что он поэт, — наконец из искренно желающих добра не только Вам лично, но и Вашим убеждениям и Вашему делу Вы никого не слушаетесь».²¹

Тем не менее очевидно: что-то должно было произойти, чтобы Головнин еще в начале месяца, вплоть до 8—9 января, относив-

¹⁸ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. 1859—1865. СПб., 1904. С. 100. См. также: Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863 г.). СПб., 1892. С. 474; Усов П. С. Цензурная реформа в 1862 году: Ист. очерк // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 144.

¹⁹ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 385.

²⁰ Там же. С. 386—387.

²¹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 7. «Батюшка» — граф Д. Н. Блудов (1785—1864), председатель Государственного совета, президент Академии наук.

шийся к аксаковской газете если не доброжелательно, то, по меньшей мере, с заинтересованностью, вдруг изменил свою позицию уже 11—12 января.

Заставила его сделать это — воля царя. Член Главного управления цензуры А. В. Никитенко в своем дневнике рассказывал о состоявшемся вечером 13 января заседании, впервые прошедшем под председательством Головнина: «В заключение министр объявил, что государю угодно, чтобы цензура усилила свою бдительность и строгость против периодической литературы».²² Характерно, что, говоря о выпущенном накануне циркуляре, Никитенко назвал только одно издание, давшее повод к строгим мерам: «Замечены в „Дне“ особенно статьи: о самоуничтожении дворян и о земских соборах».²³ То есть если не единственная, то главная причина поворота в цензурной политике — это аксаковский «День»? Но почему император обратил на него внимание, если руководитель цензурного ведомства не докладывал ему о нем? Быть может, император сам прочел эти статьи? Действительно, в обозрениях прессы (которые регулярно стали готовиться для Александра II только с начала 1862 г.) есть краткий пересказ передовой о самоуничтожении дворянства и вырезка из нее.²⁴ Автор обозрения, подготовленного 9 января, говорит, что статья эта «не отличается тактом, но во многих отношениях обращает на себя внимание».²⁵ В следующем обозрении 11 января появился краткий пересказ публикации в том же 13-м номере газеты «Мысль о Церковном Соборе по Болгарскому делу»,²⁶ однако «Краткий исторический очерк Земских соборов» К. С. Аксакова, который так возмутил цензуру, автор обозрений не считал нужным представить императору даже в изложении.

²² Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 2. С. 254.

²³ Там же. Т. 2. С. 254.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 112. Л. 11 об.—13 об. «Царские обозрения» в это время готовили чиновники особых поручений П. К. Щебальский и П. И. Капнист. Позже Головнин поручил последнему составить обозрение основных выступлений прессы за год. Заметное место в нем Капнист отвел «Дню» и конкретно статье о самоуничтожении дворянства. При этом он подчеркивал: «Почти все органы журналистики были решительно против идеи „Дня“» (Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 год. СПб., 1862. С. 19).

²⁵ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 112. Л. 11 об.

²⁶ Там же. Л. 14 об.

Не стоит думать, что и сам Аксаков считал статью брата в глазах цензуры совершенно невинной. Он отдал ее в печать, не предъявив в цензурный комитет, а в типографии объяснил это тем, что статья уже была разрешена к печати в составе первого тома полного собрания сочинений К. С. Аксакова. Именно по поводу этой публикации один из цензоров «Дня» (и близкий товарищ его редактора) Н. П. Гиляров-Платонов писал 7 января Блудовой: «Что это, в самом деле, Аксаков творит? (...) Я этой статьи для „Дня“ ни за что не пропустил бы, основываясь на известном правиле: „что возможно в ученой книге, то не всегда возможно в газете, и притом в отрывке“. Он это хорошо знал, и поэтому напечатал без цензуры, и велел даже разослать №, не дожидаясь билета, в надежде, что, так как дело сделано, то ему уступят. Но пусть он извинит меня: билета я не выдам, и не я виноват буду, когда типографщик пойдет под уголовный суд».²⁷

Вероятнее всего, Александр II узнал о двух статьях в аксаковском «Дне» 10 января от приближенных, а на следующий день, 11 января, состоялось, как пишет в своем дневнике министр внутренних дел Валуев, «особое совещание у государя по делам прессы и о лекциях Костомарова».²⁸ Было ли принято какое-либо решение относительно Костомарова, Валуев не указывает, очевидно, не он явился главным поводом для совещания. Под «прессой» же министр внутренних дел в первую очередь подразумевал «День», никаких других изданий он здесь не упомянул. При этом министр заметил: «Решено поместить в официальном отделе „Северной почты“ несколько слов по случаю статей Аксакова в его газете „День“».²⁹ Помимо императора в этом совещании участвовали пятеро: сам Валуев, начальник III отделения Долгоруков, Головнин,

²⁷ ОР РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 26. Л. 3—3 об. В ответ Блудова писала 17 января: «Христа ради не пропускайте больше ничего ни о дворянстве, ни об Земских соборах и пересылайте сюда» (Там же. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 16). Благодарю А. П. Дмитриева, предоставившего мне материалы этих и ряда других дел.

²⁸ Дневник П. А. Валуева... Т. 1. С. 139.

²⁹ Там же. «Северная почта» — ежедневная газета Министерства внутренних дел, учрежденная по инициативе Валуева с 1 января 1862 г. «Несколько слов», о которых писал Валуев, впрочем, без упоминания названия аксаковской газеты были опубликованы в «Северной почте» 13 января (10. С. 1). Аксаков ответил на них в передовой от 20 января (№ 15. С. 1—2). Однако, как рассказывал он Блудовой, у этой статьи «цензура откусила кончик» (И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 390).

главноуправляющий путей сообщения К. В. Чевкин и петербургский генерал-губернатор светл. кн. А. А. Суворов. Кто-то из них, сообщив Александру II о «нежелательных» публикациях в «Дне», подвел его к идее подобного совещания.

Очевидно, не обошлось здесь без Валуева.³⁰ Он, отчасти в силу занимаемого им поста, очень настороженно реагировал на заявления по обострившемуся в тот момент дворянскому вопросу. В Москве и в губерниях шли выборы представителей для участия в дворянских съездах (или уже сами съезды). Сам Аксаков сообщал 16 января Н. С. Соханской: «На „День“ опять страшное гонение со стороны дворянства и аристократического министра вн. дел. Валуева — за статьи о дворянстве и в особенности за весь 13 №».³¹

Однако был еще один человек, заинтересованный в «особом совещании у государя» и в его результатах не менее Валуева. Дело в том, что статья в номере от 6 января оказалась самой резкой, но не первой посвященной дворянскому вопросу в «Дне». После первой, появившейся в 8-м номере, Путятин 8 декабря 1861 г. отправил в Московский цензурный комитет телеграмму: «Если в завтрашнем номере газеты „День“ будет продолжение статьи о дворянстве и земстве, то этой статьи не выпускать в свет, а представить в Главное управление цензуры».³² Такая статья действи-

³⁰ А. А. Корнилов еще в 1909 г. отметил, что передовая с призывом к самоуничтожению дворянства «очень встревожила» министра Валуева (*Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881)*. М., 1909. С. 170).

³¹ Переписка Аксаковых с Н. С. Соханской (Кохановской) // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 66. «Аристократический министр» — указание на связь Валуева с продворянской группировкой (см. об этом явлении: Христофоров И. А. «Аристократическая оппозиция» Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002). Об особом внимании Валуева к публикации в 13-м номере аксаковской газеты свидетельствует его дневник. 9 января министр записал: «Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Константином Николаевичем, Милютиным, Игнатьевым и Оболенским. Длинный разговор о „Дне“, об Аксакове, о петровской и допетровской Руси, о настоящем призвании русского дворянства и т. п. Перед обедом заезжал к Строганову, чтобы узнать его мнение о роли дворянства в настоящее время» (Дневник П. А. Валуева... Т. 1. С. 139). Подчеркнем: и у гр. С. Г. Строганова не могло обойтись без разговора о «Дне». Граф читал аксаковскую газету: ее подшивка за 1862 г. с владельческим знаком С. Г. Строганова и пометами на полях хранится в собрании БАН.

³² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5883. Л. 1.

тельно была. Но телеграмму эту Щербинин получил в 8.25 утра 9 декабря. К Аксакову известие о ней дошло около 11 часов. В это время часть тиража уже была отправлена в столицу и московским подписчикам. Рассылку оставшихся экземпляров задержали и возобновили лишь после разрешения Путятинна, переданного телеграммой 12 декабря.³³ Эту историю Аксаков в подробностях пересказал в письме Блудовой 9 декабря. Но, не зная точно, кто явился инициатором такого распоряжения цензуры, он добавлял: «Здесь все убеждены, что против моей статьи вооружился Валуев, про которого говорят, что „он аристократ“».³⁴

Однако Аксаков не знал всех обстоятельств, которые теперь, благодаря архивным документам, мы можем восстановить. Предложение задержать тираж «Дня» передал 8 декабря Путятинну товарищ министра внутренних дел А. Г. Тройницкий. Министр народного просвещения 11 декабря в конфиденциальном письме сообщил самому Валуеву о промахе с запоздавшей телеграммой, добавив, что «признал бы за лучшее разрешить выдачу».³⁵ На следующий день Валуев отвечал Путятину: «...так как статья цензурно пропущена и часть №№ роздана, то следует разрешить раздачу и остальных. Но кажется, что надлежало бы обратить внимание цензоров на неудобство допущения к печати статей этого рода, очевидно существующих производить раздражительное впечатление на дворянство и намекающих на какое-то неопределенное слияние всех классов народа на стороне от правительства, и, следовательно, — в сущности против правительства». И, самое главное, Валуев тут же добавлял: «...хотя к Вам относился по сему предмету мой товарищ, — инициатива в деле принадлежала не Министерству внутренних дел, а другому ведомству; которое обратило внимание на статью г. Аксакова».³⁶

Какое же «ведомство» могла встревожить статья о дворянстве, да еще так, что с мнением его тут же согласился министр внутренних дел? Причем Валуев не спешил называть это ведомство в деловой переписке. Очевидно, речь шла о III отделении, руководимом Долгоруковым,³⁷ и то, что тот обратился не напрямую к Путятину,

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 378.

³⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5883. Л. 6—6 об.

³⁶ Там же. Л. 10—11.

³⁷ Не случайно же в отчете III отделения за 1861 г. утверждалось: «Периодические издания наши продолжают быть столь свободными в сужде-

а через Валуева, еще раз свидетельствует о большой заинтересованности последнего в этом деле.

Таким образом, именно Долгорукий и Валуев — наиболее вероятные инициаторы мер, принятых в январе к прессе, и в первую очередь ко «Дню». Однако меры, которые первоначально они предлагали, были гораздо суровее. Блудова писала Аксакову 17 января: «...с большим трудом Головнин смог спасти журнал от запрещения» и уверяла его, что «продолжать в таком тоне метафизическом статьи о современных политических вопросах невозможно».³⁸ Слова графини подтверждает и К. Н. Лебедев, отметивший, что «День» за статью о дворянстве «подвергся было запрещению, но Головнин его отстоял».³⁹

17 января Блудова получила от Головнина записку:

«Достойнейшая графиня. И. С. Аксаков сильно на меня рассердился за строгие предписания данные московской цензуре вследствие № 13-го „Дня“. — Вы любите Аксакова и понимаете всю пользу, которую его журнал может принести России. Поэтому обращаюсь к Вам со следующими просьбами:

1) Спросите его, чтó лучше, чтобы цензура пропустила еще номер вроде 13-го и затем журнал был бы запрещен, или чтó цен-

ниях, что влияние цензуры почти незаметно» (цит. по: Сладкевич Н. Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х — начала 60-х годов XIX века. Л., 1979. С. 61). Неудивительно, что с начальником III отделения обсуждались и иные публикации «Дня». Так, еще 28 октября 1861 г., в день выхода его третьего номера, Щербинин обратился с письмом к министру Путятину. Объясняя причины разрешения к печати передовой этого номера (косвенно связанной с тогдашними студенческими волнениями), председатель комитета спрашивал министра, правильно ли он поступил? Однако ответ Щербинину с одобрением его действий Путятин подписал только 13 ноября, и эту задержку он объяснял именно «необходимостью в соглашении» с начальником III отделения (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5847. Л. 3—3 об.).

³⁸ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 9 об.—9. Получив сразу два аксаковских послания с вопросами о произошедшем, Блудова вскрыла свое уже запечатанное письмо, чтобы добавить в него это сообщение. И в тот же день она написала Гильярову-Платонову: «Решительно один Головнин спас журнал от запрещения и Вас всех от окончательной беды; строгий выговор за такую статью, как земские соборы, следовало по всей логике здравого смысла, там, где существует какая-нибудь цензура!» (ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 592. Л. 16).

³⁹ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. № 3. С. 381.

зура (— на основании одного предписания —) смотрела строго и (— на основании другого предписания) — представляла сомнительные статьи в Петербург, где я имею возможность исключать выходки, которые явились в 13-м номере и едва не повели к запрещению журнала?

2) Скажите, что ему стыдно и грешно, после моих просьб (сообщенных еще в декабре чрез Оболенского) мешать мне подобными выходками в то время, когда я составляю проект полного переустройства цензуры, проект, который на днях будет рассматриваться. Он положительно вредит всей литературе нашей.

3) Объясните ему, что работая для всей литературы, и жертвуя и своими дружескими связями, и своим именем, я не могу согласиться, чтоб один журнал мешал общему делу вследствие какого-то молодечества, которое право непростительно.

Аксаков может писать свободно о народном воспитании и у него прекрасные мысли по этому предмету, о Польше — и он решительно *«может»* оказывать услуги России в этом деле! Зачем же ему искать непременно тех предметов, где слова его создают ему врагов?»⁴⁰

Блудова почти целиком переписала и в тот же день отправила редактору «Дня» наставления управляющего министерством. Однако одну фразу в конце письма она предпочла передать не буквально, а в исправленном виде: «Довольно предметов, по которым он может свободно писать — хоть бы о народном воспитании, которое так важно». ⁴¹ Очевидно, графиня понимала, что слова Головнина: «Аксаков может писать свободно о...» будут восприняты адресатом как указание или как милостивое разрешение.

После этого, 19 января, Александру II был представлен подробный отчет Щербинина, где тот, в частности, объяснял, что аксаковская передовая о дворянстве пропущена в печать с устраниением

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 78. Ед. хр. 27. Л. 1—1 об. Распоряжение московской цензуре представлять «сомнительные статьи в Петербург» касалось именно «Дня» и было дано до выхода 13-го номера аксаковской газеты. 7 января (в воскресенье) Гиляров-Платонов сообщал Блудовой: «Щербинин очень огорчен предписанием Министра о том, чтоб статьи „Дня“, запрещенные цензором, посыпать к нему. Во-первых: за что такая привилегия? — спрашивает он. Во-вторых: стыдно, говорит он, Аксакову жаловаться. В-третьих, его неприятно поразила самая сухость предписания» (Там же. Ед. хр. 26. Л. 4).

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 54. Л. 8 об.—9.

«многих излишних резкостей». Однако эти оправдания не вполне удовлетворили императора, и он оставил на них свои замечания.⁴²

Щербинин, особенно после возвращения от Головнина обнадеженного редактора «Дня», совершенно не ожидал последовавшего затем требования строгих мер и отповеди в свой адрес. По словам Аксакова, председатель цензурного комитета был «оскорблен грубыми формами „предписаний“ к нему Головнина».⁴³ Однако вероятнее, что Щербинин, оказавшись в непонятной для него ситуации, был сильно обескуражен и встревожен. Поэтому он, взяв отпуск, отправился в Петербург и встретился с Головним, а тот 24 января доложил Александру II, что председатель Московского цензурного комитета «просит иметь счастье представиться» ему. Император назначил аудиенцию на 25 января.⁴⁴ Резонно предположить, что он дал Щербинину исчертывающие разъяснения новых задач цензурной политики.

Аксаков, разумеется, не знал о беседе руководителя московской цензуры с императором. Оболенскому он рассказывал 6 февраля в письме: «Возвратился Щербинин, председатель цензурного комитета, и объявил цензорам, что Головнин приказал ему все мои статьи посыпать в Петербург, и не только в моих статьях, но и вообще „быть как можно строже и марать как можно больше“, на том основании, что „неприятности бывают и цензора лишаются места не за непропуск, а за пропуск“».⁴⁵

Далее Аксаков возмущался: «О бюджете Головнин приказал на словах Щербинину решительно ничего не пропускать. (А Самарину хвастался тем, что допустил свободную критику бюджета, кроме ругательств!)

Напрасно Головнин старается уверить, что он такою строгостью подготовляет большую свободу. Это не вздор».⁴⁶

Что имел в виду Аксаков, говоря о бюджете? 4 января 1862 г. на заседании Совета министров впервые приняли решение об открытой публикации государственного бюджета, для которой 24 января предоставили страницы «Северной почты» (№ 19. С. 1). 27 января «Табель государственных доходов и расходов» был перепечатан

⁴² ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 11—13.

⁴³ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 387.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 15

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 58 об.

⁴⁶ Там же.

в приложении к 16-му номеру аксаковского еженедельника. В это время статьи с рассуждениями о бюджете страны появлялись в нескольких изданиях. Так, в февральском номере «Современника» была напечатана статья Н. Г. Чернышевского «О росписи государственных расходов».

В первом февральском номере «Дня» Аксаков предполагал поместить передовую, в которой иронизировал над «свободой», устраиваемой по команде и по меркам, предписанным сверху. Однако в цензурном комитете ее не пропустили. Аксаков в ночь на 1 февраля писал Блудовой: «Часов пять жевали-жевали они мою статью, и после долгих, утомительных споров часов почти в 5 я воротился домой. Вечером — делать нечего — засел писать новую передовую статью о бюджете, приняв соображение, что порицания не дозволены: писал опять ночью, утром повез в Цензурный комитет, но опять и эту статью не пропустили благодаря циркуляру Головнина о бюджете.⁴⁷ (...) после 3-часового спора (только слышать, что цензора говорят, производят истинную тошноту) цензора стали на своем и не пропустили»⁴⁸. В итоге 17-й номер аксаковской газеты оказался первым, вышедшим без передовой статьи. На предназначенному для нее месте издатель поместил объявление: «МОСКВА 3-го февраля. Заготовленная для этого № статья не могла быть напечатана; приготовленная, в замену ее, другая также не может быть напечатана. Редактор».⁴⁹

Как рассказывал Аксаков, о разрешении этого объявления цензоры «еще часа два спорили и наконец подписали». При этом Аксаков полагал, что Головнин может воспользоваться объявлением, чтобы «показать свое усердие» начальнику III отделения Долгорукову и «успех своих циркуляров», и добавлял: «Но если Головнин вздумает сердиться и за это на цензоров, то мне уже ничего не остается, как прекратить издание!»⁵⁰

⁴⁷ Вероятно, Аксаков назвал «циркуляром» предписание Головнина. Сообщая ему об этой статье, А. Г. Петров, замещавший председателя Московского цензурного комитета, упомянул два касавшихся ее предписание управляющего министерством — от 3 января и 20 января 1862 г. Согласно первому статья и была отослана к Головнину (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5935. Л. 1).

⁴⁸ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 395.

⁴⁹ День. 1862. 3 февр. № 17. С. 1.

⁵⁰ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 395.

Обе не пропущенные цензурой аксаковские передовые были отправлены Головину.⁵¹ 7 февраля тот доложил Александру II: «Московская цензура запретила передовую статью № 17-го „Дня“ и потому номер сей вышел без передовой статьи, что произвело много толков и неудовольствия. Для оправдания цензуры осмеливаюсь всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству запрещенную статью». Речь шла о первой из двух передовых. Прочитав ее, император оставил резолюцию: «Нахожу, что Моск~~овская~~ цензура поступила дельно, хотя в статье есть мысли и хорошие».⁵² Однако еще до этого, 3 февраля управляющий министерством принял решение, а 4 февраля распорядился передать Аксакову, что эта его статья не может быть напечатана, «вследствие объяснений» его, Головнина, с Долгоруковым.⁵³

7 февраля Головнин представил императору и вторую передовую. При этом он отметил: «Так как в этой статье выражены толки московского общества о росписи, то я считаю долгом всеподданнейше представить оную Вашему Императорскому Величеству и доложить, что я сообщил ее управляющему Министерством финансов». Александр II оставил резолюцию: «Пускай Рейтерн скажет о ней свое мнение».⁵⁴ Управляющий Министерством финансов

⁵¹ При этом председательствующий в Московском цензурном комитете А. Г. Петров 3 февраля докладывал по поводу второй из них: «Критические замечания статьи относятся сначала к восторженным и преувеличенным похвалам, вызванным обнародованием бюджета в нашей журналистике, потом касаются самой формы бюджета (недовольно понятной и не подкрепленной документами), общего вывода его, отдельных статей и заключаются замечанием о неполноте бюджета, не содержащего в себе статей, падающих на суммы земских сборов» (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5935. Л. 1).

⁵² ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 49. Эта статья была опубликована лишь однажды в изданном ограниченным тиражом (для членов комиссии князя Оболенского) двухтомном «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 году». Здесь она получила название «(О дисциплине и свободе)» (СПб., 1862. Т. 2 С. 442—447). Авторство статьи до сих пор оставалось неизвестно, а то, что предназначалась она для газеты «День», впервые указал И. Г. Ямпольский (Ямпольский И. Г. Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1971. Вып. 76. Сер. филол. наук. № 355. С. 192). Однако и это осталось незамеченным исследователями публицистики Аксакова.

⁵³ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5932. Л. 1—2.

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 58.

М. Х. Рейтерн, обсудив с императором текст передовой,⁵⁵ сообщил об этом Головину запиской, датированной 9 февраля.⁵⁶ Однако последний еще 7 февраля отправил в Москву распоряжение ответить Аксакову, что эта статья не может быть напечатана «вследствие объяснений» его с управляющим Министерством финансов.⁵⁷ Вероятно, Рейтерн имел аудиенцию у императора еще 7 февраля, и в тот же день о ее результатах узнал Головин. 10 февраля он писал управляющему Министерством финансов об аксаковской передовой: «Вследствие сообщенной мне Вашим превосходительством Высочайшей воли (...) имею честь уведомить для сведения, что, по мнению моему, статья сия вовсе не может быть напечатана, за исключением немногих мест, которые уже не составят журнальной статьи, и что я ныне же сообщил выписки из оной г. министру Императорского Двора и г. главноуправляющему Путями сообщения и публичными зданиями».⁵⁸

6 февраля, т. е. в то самое время, когда обе передовые лежали на столе у Головнина, Аксаков писал Оболенскому: «Ты вот что сделай! Или возьми у Головнина непропущенные им мои статьи и пришли их ко мне (у меня нет черновых) или же попроси его возвратить их мне официальным путем».⁵⁹ Однако, скорее всего, редактор «Дня» так и не получил своих статей, ведь 23 февраля он обращался к Блудовой: «Вообразите, что трех передовых статей запрещенных у меня нет копий: онидержаны в Петербурге, в черновых подлинниках».⁶⁰

Следующее письмо Аксакова к Оболенскому помечено 18 марта: «В прошедший четверг, т. е. 15 марта, отправлена к министру н^ародного пр^иосвещения из Московского ценз^иурного комитета статья, назначенная для „Дня“. Это — „письмо к редактору,

⁵⁵ Текст статьи с пометами: Там же. Л. 59—64.

⁵⁶ Там же. Л. 65.

⁵⁷ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 5935. Л. 2.

⁵⁸ Там же. Л. 9. Единственный раз эта передовая была опубликована в «Сборнике статей, недозволенных цензурою в 1862 году» под названием «(О бюджете)» (Т. 1. С. 382—385). То, что статья предназначалась для «Дня», отметил И. Г. Ямпольский, указав: «Рукопись И. С. Аксакова». (Ямпольский И. Г. Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году. С. 184).

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 59—59 об.

⁶⁰ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 401. Возможно, речь шла о двух передовых, подготовленных к 17-му номеру и статье, предназначавшейся еще в 8-й номер, той, что 9 января запретил Александр II.

по поводу статьи Грабовского“, о Польше и Западном крае, — В. А. Елагина. Статья прекрасная, умная и честная, и отправлена в Петербург цензорами только потому, что благо там берутся рассматривать; будут отсыпать на просмотр к министру и буквари: все-таки безопаснее!

Мне эта статья очень нужна, потому, что вслед за нею будут помещены другие статьи в ответ Грабовскому. Если же ее не пропустят, то Грабовского статья, имевшая большой успех и в России, останется без ответа. Статья совсем набрана, и мне бы очень хотелось поместить ее в 24 №, который выходит 24 марта. Поэтому прошу тебя: по получении моего письма немедленно справиться у А. В. Г(оловни)на, что сделано по отношению к этой статье, и если она им разрешается, то дать знать мне о том по телеграфу, потому что канцелярским порядком статья дойдет не скоро, а мне нужно заранее знать, могу ли я рассчитывать на эту статью для 24 № или же должен наполнить его другими статьями».⁶¹

Статья Грабовского — та самая, которую 9 января прочел и разрешил напечатать Александр II, — увидела свет двумя частями 20 и 27 января под названием «Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и Западных губерниях».

Характерно, что на нее обратили внимание и чиновники Министерства народного просвещения, которые готовили «царские обозрения». Вырезка первой части статьи Грабовского была предложена вниманию императора 22 января полностью (чиновники, разумеется, не были извещены, что он уже читал ее в рукописи) с преамбулой:

«Количество интересных заметок и статей в последне-полученных газетах вообще велико; но всего любопытнее статья в № 15 газеты „День“ „Ответ поляка русским публицистам“. Автор ответа, г. Грабовский представляет с польской точки зрения право поляков на Западную Русь и Литву, на которые многовековая связь их с Польшею наложила столь сильную печать, что, каковая бы ни была их первоначальная национальность, печать эта резко отличает их от коренных русских областей. Владычество Польши над этими странами, говорит г. Грабовский, есть не только „совершившийся факт“, как владычество Пруссии, Австрии и России над частями бывшего Польского государства, но „историческое право“ (...).

⁶¹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 60—60 об.

Помещая эту статью, редакция „Дня“ надеется доказать несправедливость упреков, делаемых русской прессе в том, что будто бы „одна из заинтересованных сторон лишена возможности обсуждать этот вопрос“.⁶²

Вторая часть статьи Грабовского была передана Александру II 29 января в кратком пересказе.⁶³ Как видно, на этот раз князю удалось выполнить просьбу издателя «Дня»: «Письмо к редактору по поводу статьи Грабовского» В. А. Елагина было напечатано 24 марта. Через день, 26 марта, «царское обозрение» отметило «„Ответ“ г. Елагина» как «чрезвычайно замечательный» и рассказывало о нем: «Принимая справедливым основное положение г. Грабовского, что те из числа жителей западного края, которые называют себя поляками, не суть пришельцы, а природные, коренные туземцы, издавна проникшиеся польскою цивилизациею, г. Елагин на этой самой почве завязывает полемику с своим противником...»⁶⁴ Еще одна статья «Ответ г. Грабовскому» М. В. Юзевовича появилась 5 апреля в 26-м номере аксаковской газеты. Известно, что позже, в июне и октябре 1862 г., Аксаков обсуждал с В. А. Елагиным публикации других статей Грабовского.⁶⁵

10 марта 1862 г. Александр II подписал указ о преобразовании цензурного управления. Начался поэтапный переход цензуры в ведение Министерства внутренних дел, однако обязанности упраздненного Главного управления цензуры продолжало пока выполнять ведомство Головнина. Вскоре, 19 марта, состоялось первое заседание учрежденной под председательством Оболенского Комиссии для пересмотра, дополнения и изменения постановлений о книгоиздании. Накануне этого дня, 18 марта Аксаков писал князю: «Новое преобразование цензурное хорошо только тем разве, что рог старому врагу мысли человеческой, цензуре — надломан, но может быть на первых порах будет и хуже. А. В. Г(оловнин), сообщая об этом преобразовании в Москвс^{ком} цензурном комитете, приказал цензорам „усугубить надзор“, так что цензора струсили страшным образом!»⁶⁶

⁶² ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 112. Л. 30—30 об.

⁶³ Там же. Л. 37.

⁶⁴ Там же. Л. 133.

⁶⁵ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 3—3 об., 6 об.

⁶⁶ Там же. Ед. хр. 30. Л. 60 об.

Аксакова волновало то, что на основании указа министр народного просвещения оказался подконтролен министру внутренних дел: «Головнин может пропустить иное, а потом Петр Александрович найдет, по напечатании, это неприличным и, вероятно распечет за это Головнина... Одна только надежда, что они поссорятся и что самолюбие М(инист)ра нар(одного) просвещен(ия) заставит его защищать литературу против нового г. Persigny».⁶⁷

Спустя несколько дней Аксаков откликнулся на эти события в заметке «О „преобразовании“ цензуры».⁶⁸ Показательно, что 26 марта вырезка с ней была представлена Александру II и не в обычном «царском обозрении», а во «всеподданнейшей до-кладной записке», на которой Головнин отметил: «Аксаков прогневался за последние меры по цензуре». Главное, что задело министра: редактор «Дня» утверждал, что если у «каждого образованного народа» существует или карательная, или предварительная цензура, то теперь Россия получила одновременно оба вида. Предварительную — в лице Министерства народного просвещения, а карательную — в лице Министерства внутренних дел. На вырезке остались пометы красным карандашом, вероятно, сделанные Головним. Он не преминул отметить, что Аксаков видит в новых мерах именно усиление цензуры. Выделил министр и слова, в которых автор отнес к «самым существенным» сторонам нового указа создание Комиссии под руководством Оболенского. «На это последнее, — сообщал в заключении Аксаков, — мы и возлагаем наши надежды...»⁶⁹

Спустя месяц, 29 апреля Аксаков заявил Оболенскому (в письме, отправленном обычной почтой): «Ты ждешь от литературы советов, указаний, проектов... Признаюсь тебе, вы — т. е. правительство — мало располагаете нас к откровенной и дружеской беседе с вами. (...) Ал(ександр) Вас(ильевич) Головин со своей стороны делает все на свете, чтобы подорвать всякую доверенность к себе,

⁶⁷ Там же. 60 об.—61. Жан-Жильбер-Виктор Фиален Персины (Persigny; 1808—1872) — с 1863 г. герцог, французский государственный деятель; в 1852—1854 и 1860—1863 гг. министр внутренних дел. В 1852 г. ввел закон о печати, предусматривающий систему предварительных разрешений, административных предостережений и запрещений. Этот закон послужил образцом для цензурного законодательства, введенного в 1865 г. под руководством Балуева.

⁶⁸ День. 1862. 24 марта. № 24. С. 16.

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 141.

к „благим намерениям“ правительства, к Комиссии, в которой ты председатель».⁷⁰ Теперь Аксаков даже гипотетически не допускал мысль сыграть на противоречиях Головнина и Валуева: «Министр нар(одного) просвещения не только не пробует отстаивать литературу и бороться против тупости и пошлости министерств, но с одобрением и сочувствием исполняет, как полицейский пристав, приказан<ия> обер-полицмейстера литературы — Валуева».

В том же письме Аксаков говорил: «Ты знаешь, что моя передовая статья в 27 № была цензурой en haut lieu.* Многое вычеркнуто, но вообще процензурено очень добросовестно. Чрезвычайный цензор оставил все мысли, противные его убеждениям, только смягчил резкость выражений».⁷¹

Речь шла о 5-й статье аксаковского цикла об «обществе».⁷² Щербинин, по словам Аксакова, нашел ее «революционною». Тогда автор 28 марта подал в Московский цензурный комитет протест, в котором настаивал, что комитет не понял статьи, обратив внимание на отдельные выражения, а не на «смысл, приданый этим выражениям».⁷³ В соответствии с требованием Аксакова статью переслали Головину. Что было далее, редактор «Дня» в точности не знал. Министр же 5 апреля отметил в рукописи ряд мест, подлежащих исключению, и передал ее Александру II. Тот разрешил печать статьи, добавив к прежним купюрам еще три.⁷⁴

Аксаков подготовил в продолжение цикла новую 6-ю статью. О дальнейшем он рассказывал Оболенскому 29 апреля: «Дурак Щербинин, находя, что неделикатно с их стороны цензировать продолжение, когда начало было цензурено „ТАМ“», отсылает

⁷⁰ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 62.

* В верхах (фр.).

⁷¹ Там же. Л. 62 об.

⁷² Об этом цикле см.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 167—215; Бадалян Д. А. Цикл статей И. С. Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // Третья Аксаковские чтения: Материалы межвуз. науч. конф., посв. 220-летию со дня рожд. С. Т. Аксакова (Ульяновск, 21—24 сентября 2011 года). Ульяновск, 2011. С. 103—113; Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11, № 2. С. 41—70; https://sociologica.hse.ru/data/2012/10/02/1243863256/11_2_05.pdf

⁷³ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 206.

⁷⁴ Там же. Л. 196—205 об.

новую передовую мою статью г. Головину. Ал(ександр) Вас(ильевич) на этот раз решился не подавать ее Государю: чего доброго, пожалуй, пропустит! и продержав статью около двух недель, возвратил мне ее вчера, но в каком виде! Ни один цензор в мире не смел и не смеет делать того, что он сделал, нарушив цензурный устав. Он взял на себя дать статье другой смысл и оборот. Напр(имер), я говорю — такая-то мера, не хороша. Он вычеркивает не, и выходит такая-то мера хороша!.. Как назвать подобный поступок? Далее — он вычеркнул то, что было в моих же передовых статьях слово в слово сказано, номера два-три тому назад! Он вычеркнул одно место, взятое целиком из „Р(усской) беседы“ 1856 года!! Вот прогресс-то! В таком виде, разумеется, статья напечатана быть не может, а может, а между тем — мне необходимо было бы продолжить и кончить свой трактат об обществе и государстве». ⁷⁵

В действительности 6-ю статью цикла, посвященную отношениям народа и власти в XVI—XVIII вв., Головин 22 апреля представил на рассмотрение Александра II вместе с предназначавшейся для «Дня» корреспонденцией из Литвы. При этом он отметил, что «обе статьи весьма важны» и, как в прошлый раз, отчеркнул в них места, которые предлагал исключить.⁷⁶ Император же указал, что эти статьи «решительно не должны быть печатаемы».⁷⁷ Данный факт был отмечен и прежде автором этих строк, а затем и А. А. Теслей.⁷⁸ Однако документы Московского цензурного комитета в ЦИАМ, с которыми нам пришлось познакомиться позднее, свидетельствуют: история с двумя статьями на том не закончилась.

24 апреля Головин выслал московской цензуре обе рукописи, сообщив: «Разрешаю их напечатать за исключением всех мест, от-

⁷⁵ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 63 (Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова... С. 50). «Русская беседа» — славяно-фильский журнал, издававшийся в 1856—1860 гг.

⁷⁶ Писарская копия статьи Аксакова с пометами Головнина сохранилась среди его «всеподданнейших докладных записок» (ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 242—252 об.). Две черновые редакции этой статьи опубликованы А. А. Теслеем (Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова... С. 56—70).

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 232.

⁷⁸ Бадалян Д. А. Цикл статей И. С. Аксакова об обществе... С. 110; Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова... С. 49.

меченных красными чернилами».⁷⁹ Что предшествовало этому, точно сказать сложно. Возможно, управляющий министерством снова обратился к императору по поводу статей «Дня», но уже лично, и в его архиве не сохранилось документальных тому свидетельств. Корреспонденция «Из Литвы» увидела свет 5 мая в 30-м номере газеты, а вот 6-ю статью об обществе Аксаков не захотел помещать в измененном до неузнаваемости виде.

Не зная подробностей дела, Аксаков рассказывал Оболенскому, что хотел было потребовать у Головнина передать статью на рассмотрение государя, но потом решил попробовать «другие средства». В заключение же Аксаков заявил другу: «Не верю я ни в чем Головину, не верю и Твоей Комиссии. Даже страшно пособлять вам, чтоб не замарать рук своих и имени участием в ваших — враждебных пользам России — делах! Вы осуждены делать ошибки и вред! (...) Головнин и Валуев возвращают литературу ко временам николаевского terror'a!»⁸⁰

Ответное письмо Оболенского неизвестно, но, судя по следующему посланию редактора «Дня» от 6 мая, князь просил его спокойно изложить по порядку «обстоятельства дела». Аксаков же, после повторения уже описанной истории, рассказал ему о предпринятых им «других средствах»: он написал новую статью, «отчасти переписав, отчасти исправив старое и значительно сократив». Однако возмущенный Щербинин докладывал о том Головину иначе: «1 мая г. Аксаков представил другую передовую статью, в которой, по словам его, к изложению всего Вами допущенного прибавлены лишь, в пояснение мысли редактора, выписки из прежде напечатанного в „Русской беседе“ и в его же газете „День“. По сличению, однако, возвращенной статьи с вновь представленною Комитет мог удостовериться, что сверх этих небольших цитатов сохранено, за весьма ничтожными исключениями, все решительно слово в слово, Вами красными чернилами зачеркнутое!!!»⁸¹

Ясно, что московская цензура не пропустила эту статью, и 2 мая Аксаков обратился к Головину с просьбой, если он сам не может разрешить публикацию статьи, представить ее государю.⁸² Днем

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 477. Л. 24.

⁸⁰ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 63 об.

⁸¹ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 68—68 об.

⁸² РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 64.

позже свое письмо о случившемся отправил Головину и Шербинин. Успел управляющий министерством ознакомиться с ними или нет, но уже 4 мая он ответил Аксакову решительным отказом, добавив, что «День» приносит вред всей литературе, «ибо более всякого другого издания служит поводом к общим строгим мерам и положительно мешает всему на пользу литературе, что старается совершить Комиссия, учрежденная для пересмотра постановлений по делам книгопечатания». ⁸³

Министр не стал сообщать Аксакову, что Александр II уже знаком с первым вариантом его статьи (а значит, и исправления в ней были сделаны по его указанию). Случай, когда «непопулярные» решения принимал лично император, но огласки это не подлежало, были не редки. Возможно также, что Головин не хотел признавать того особого значения, которое власть придавала аксаковским публикациям.

Возмущенный Аксаков в письме к другу 6 мая восклицал: «Каким образом я тебе мешаю, Оболенский? Прошу объяснить. Что, ты жаловался, что ли? (...) „День“ приносит вред литературе? А обществу? Должно быть, „Современник“ и „Русское слово“ самые безвредные журналы.

Не то же ли это отношение правительства ко мне, как и отношение его в XVIII веке к дворянину Кравкову, если только ты прочел эту статью в 28 №». ⁸⁴

Аксаков имел в виду исторический очерк В. И. Ламанского об отставном капитан-лейтенанте Е. М. Кравкове, который в 1780-е гг. принял старообрядство и стал жить жизнью простого человека. Над ним учинили следствие и по распоряжению Екатерины II заключили в крепость. Далее Аксаков утверждал: «Головин бессознательно служит немецкому началу, для которого русская народность есть величайший ненавистнейший враг. Чернышевский и правительство одного поля ягода: оба ренегаты относительно русского народа, оба приверженцы западного деспотизма, только в разных видах, — оба немцы. Это ожесточенное преследование „Дня“ и вообще славянофильских органов есть явление историческое, многознаменательное, — борьба петербургского правитель-

⁸³ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 10 об.

⁸⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 65 (с ошибкой в фамилии: Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова... С. 51—52).

ства и петровского направления с народом и народным самосознанием». ⁸⁵

На это Оболенский 11 мая отвечал с не меньшей энергией: «Головин прав, когда говорит, что ты вредишь всей литературе и мешаешь моей Комиссии. — Ты мне мешаешь потому, что служишь живым доказательством, что без цензуры самые благонамеренные люди, верящие в Бога и признающие необходимость власти, начнут писать дерзости вроде примечаний на дворянина Кравкова. — Ты мне мешаешь потому, что выходками своими доказываешь, что люди, не желающие анархии в самом западном смысле, — без цензуры будут стараться, пользуясь настоящими трудными обстоятельствами, увеличивать презрение к Правительству едким разбором всех трудностей его прошедшего — и подобно примечаниям твоим с яростью взывать к мести. — Ты мне мешаешь тем, что являешь собой честного человека, которому известны все трудности настоящего переходного времени и который под знаменем православия не умеет найти ни одного слова примирения и который без цензуры начнет печатать статьи подобные примечаниям. — Ты мне мешаешь наконец тем, что поддерживаешь постоянное раздражение и заставляешь придумывать разные успокоительные средства для устранения временных неприятностей». ⁸⁶

В «Примечаниях» (скорее это было послесловие) к очерку о Кравкове, которые упомянул Оболенский, Аксаков бескомпромиссно осуждал отношение властей и самой императрицы к народному чувству и свободе совести. Он заявил, что «инквизиция, как явление свирепого, но искреннего католического фанатизма, извинительнее и нравственнее (...) суда тайной экспедиции». ⁸⁷ Оболенскому же он объяснял 15/16 мая, что написал их «сгоряча и резко, даже и не предполагая, что цензура пропустит. — И добавлял: — Однако же решился показать цензорам, в той надежде, что авось

⁸⁵ РО ИРЛИ. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 65 об. (*Тесля А. А. Запрещенная 6-я статья И. С. Аксакова... С. 51—52.*)

⁸⁶ РО ИРЛИ. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 14—15.

⁸⁷ Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году. Т. 2. С. 232. Единственный раз «Примечание к статье: Дворянин-старовер, Кравков» было опубликовано здесь (С. 231—233). То, что оно предназначалось для «Дня», впервые отметил И. Г. Ямпольский, а на авторство Аксакова указал Н. И. Цимбаев, который и представил подробности истории с «Примечанием» (*Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 114—116.*)

либо уступив им резкие выражения, я проведу остальное». Цензор (видимо, это был И. И. Бессомыкин) не только не пропустил «Примечания» в печать, но, не возвратив их автору, передал, что Щербинин пошлет их министру. Аксаков в ответ велел сказать председателю комитета, что такой поступок — «подлость, донос».⁸⁸ Однако 20 апреля Щербинин отправил «примечания» Головину.⁸⁹

Редактор «Дня» не знал главного: еще 4 марта Головин сообщил Александру II, что он «предписал Московскому цензурному комитету доставлять постоянно все статьи, которые не будут пропускаемы в Москве», и потребовал присыпать ему статьи, запрещенные московской цензурой за весь 1861 г. Император наложил на это резолюцию: «Будет полезно для наблюдения за общим направлением».⁹⁰

22 апреля Головин отвечал Щербинину, что «Примечание» «весьма основательно не допущено к печати» в «Дне» и «необходимо строже цензуровать это издание».⁹¹ Аксаков же, передавая это Оболенскому, сгустил краски до «как можно строже».⁹² В том же письме от 15/16 мая он рассказывал: «Потом, я имею полное право сомневаться, чтоб Высочайшая воля была передана верно. В субботу Государь сказал Императрице: *qu'il a là l'article defendu par la Censure* (о Кравкове), *que ce n'était pas autant la pensée, que la forme et les expressions, qu'il trouvait parfaitement reprehensibles*».⁹³

Разговор этот (переданный Аксакову, скорее всего, А. Ф. Тютчевой) произошел в субботу, 12 мая, а 9 мая Головин докладывал Александру II: «В журнале „День“ помещена статья о морском офицере Кравкове, который в царствование императрицы Екатерины II перешел в раскол, пьянствовал, ходил в крестьянской одежде и был посажен в Ревельскую крепость. К этой статье редакция полагала присоединить прилагаемое примечание, которое было запрещено цензурой и представлено мне. Признавая недостаточным ограничиться запрещением этой статьи, обличающей в авторе оной,

⁸⁸ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 67—67 об.

⁸⁹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 464. Л. 5.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 98. Л. 89.

⁹¹ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 477. Л. 21 (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни... С. 115).

⁹² РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 67 об.

⁹³ Там же. Л. 68 об.; «...что у него есть статья, запрещенная цензурой, что он находит предосудительной как ее идею, так и ее тон» (фр.). Благодарю за перевод Д. В. Руднева.

г. Аксакове, враждебное расположение к правительству, я полагал бы нужным объявить ему предварение, что журнал его будет запрещен в случае повторения в представляемых статьях мыслей, изложенных в помянутом примечании, на что считаю долгом испрашивать соизволения Вашего Императорского Величества». Александр II на этом докладе наложил резолюцию: «Дельно, ибо подобные выходки ни под каким видом не должны быть терпимы».⁹⁴

После этого Головнин сообщил Щербинину, что министр внутренних дел доставил ему 9 мая копию «Примечаний» с запросом: «Действительно ли помянутая крайне предосудительная статья была представлена в Московский цензурный комитет и кем именно». Далее, ссылаясь на волю императора, Головнин предложил Щербинину объявить Аксакову, что «журнал его будет прекращен, если в других статьях, представляемых им в цензуру, будут изложены вредные мысли, подобные тем, которые выражены в помянутой запрещенной Вами статье».⁹⁵

Обращаясь к Оболенскому, Аксаков воскликнул: «Каким образом Валуев мог достать и препроводить список. Я ни одного списка не делал. Щербинин божится, что Валуеву не посыпал. (...) Ну не архиподлецы они оба, и Г(оловнин) и В(алуев)?» И далее Аксаков настаивал: «Такой нелепости, как в бумаге Головнина, Государь сказать не мог. Не сметь подавать в цензуру вредных мыслей! Да для чего же цензура? (...) Да и почем я знаю, что вредно, что не вредно? Это знает цензура».⁹⁶

Чуть ранее, в письме, которое можно датировать 11 мая, Оболенский рассказывал: «Сегодня я был у Великого князя.⁹⁷ Он

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 100. Л. 12.

⁹⁵ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 464. Л. 5—5 об. В своем письме Аксаков довольно точно пересказал Оболенскому текст Головнина (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 68). Очерк Ламанского «Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер», судя по словам автора, имел неопубликованные продолжение и окончание (Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1917. № 3/4. С. 67). В 1870 г. этот очерк в том же виде, как он был опубликован в «Дне», с разрешения Аксакова перепечатал журнал «Заря» (кн. 9). Показательно, что и в это время издатель журнала В. В. Каширин не пытался поместить вместе с ним «примечание» Аксакова.

⁹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 68—68 об.

⁹⁷ Речь идет о великом князе Константине Николаевиче, которого Оболенский хорошо знал по службе в Морском министерстве. Великий князь был внимательным и весьма заинтересованным читателем «Дня»

полон негодования против тебя за примечание к Кравкову и за враждебный правительству тон лишь твоих последних статей. (...) Какая цель подражать памфлетам? Неужели может быть польза?» Настаивая, что Аксаков сам вредит своему делу, князь добавлял: «Все это желательно бы и полезно бы было тебе высказать словом. Поэтому ежели только имеешь возможность, то приезжай сюда хотя бы на один день».⁹⁸

Аксаков отвечал 15/16 мая: «В Петербург я, конечно, не поеду, потому именно, что не хочу видеться с Петербургским*и* славяно-филами *haut plasés*^{*}». ⁹⁹ Но начал он свой ответ со слов: «Благодарю тебя за твое длинное письмо, любезный друг, и вполне верю, что все твои реприманды внушены искреннею дружбою, — дружбою слепою, неразумною». И далее переходил в контратаку: «Разве ты не понимаешь, что „День“ был бы не то, что он есть, не имел бы того значения, которое он имеет, если бы он издавался моею личностью, обработанный à la Головнин или à la Оболенский, если б он сколько-нибудь приобщился „казенщины“? (...) Я понимаю очень хорошо, что вся злоба на меня происходит от того, что не удалось меня прицепить к правительственнои партии. „Мы ли не славяно-фильничаем. Но он нас так-таки себе и не признает!“».

Здесь же Аксаков спрашивал: «Что ты скажешь о моей статье в 31 №?»¹⁰⁰ Он имел в виду передовую, в которой утверждал, что «стеснение печати гибельно для самого государства».¹⁰¹ Более того, автор со скепсисом смотрел на деятельность комиссии, возглавляемой его другом, и заявлял: «Если же правительство, приступая к реформе законов о книгопечатании, вынуждено к этому единственно „бессилием цензурных постановлений“ удержать (как любят выражаться) литературу в законных пределах“, — то Комиссия будет только изыскивать новые строжайшие меры к удержанию литературы в этих пределах и упрочит антагонизм, существующий теперь между литературою и официальным миром».

с первых его номеров (1857—1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Сост. Л. Г. Захарова и Л. И. Тютюнник. М., 1994. С. 347, 351).

⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 39—39 об.

* Высокопоставленными (*фр.*).

⁹⁹ Там же. Оп. 2. № 30. Л. 69.

¹⁰⁰ Там же. Л. 66—66 об.

¹⁰¹ День. 1862. 12 мая. № 31. С. 1.

Идя по такому пути, считал Аксаков, власть захочет перенять то, что «законодательства иноземные умели сочинить по части стеснений человеческого слова», невзирая на отличия их от «местной истории, особенных домашних обстоятельств, условий общественного развития».¹⁰² Нельзя не признать, что это предсказание сбылось: «Временные правила о печати», утвержденные 6 апреля 1865 г., явились подражанием французскому цензурному законодательству.

Именно об этой публикации Щербинин, жалуясь 10 мая на Аксакова, сообщал Головину: «В следующем № он помещает статью о преобразовании цензуры; исключив некоторые крайне не-приличные по своей желчной едкости места, комитет одобрил эту статью; — хотя, по правде сказать, она и в том виде, каком явится, носит на себе печать озлобления, при совершенном непонимании автором всей важности затронутого им вопроса и кривом истолковании им значения и силы печатного слова».¹⁰³

Князь ответил на письмо Аксакова около 16—19 мая: «Твоей статьей о цензуре я нимало не обиделся, ибо она просто глупа. На словах ты говоришь одно, а пишешь — другое. Ничего ты не сказал в статье, кроме пустых громких фраз о свободе слова, — жду твоего проекта — чепуха яснее выражается в параграфах». Оболенский имел в виду высказанное в заключение статьи намерение Аксакова подготовить свой проект закона о печати. Далее князь продолжал: «Головин напечатал также свою чепуху, против которой я спорил сколько мог. Любопытно мне будет сравнить твою чепуху с Головинской».¹⁰⁴

Примечательно и то, что с этим письмом Оболенский направил Аксакову для использования в статьях «Дня» пакет, в котором было «собрание записок, мнений и возвзаний, распространяемых в Литовских губерниях с целью возбудить жителей против России». Правда, тут же князь заметил: «Не знаю только, долго ли ты будешь подвизаться на литературном поприще».¹⁰⁵

Следующий, 32-й номер «Дня» вышел 19 мая с аксаковским проектом закона о печати, а 21 мая (еще не получив предыдущего письма князя) Аксаков послал ему восемь оттисков с текстом проекта. Один предназначался самому Оболенскому, еще по одно-

¹⁰² Там же. С. 2.

¹⁰³ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 71 об.

¹⁰⁴ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 42—42 об.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 41.

му — юристам С. И. Зарудному, К. П. Победоносцеву, Д. А. Ровинскому, остальные — членам комиссии Оболенского. При этом редактор «Дня» писал: «Хорош или дурен мой проект, это другое дело, но ты не имеешь, по крайней мере, права жаловаться на меня и упрекать меня в несодействии».¹⁰⁶

В самом начале проекта Аксаков предложил внести в I том «Свода законов» главу 1: «Свобода печатного слова есть неотъемлемое право каждого подданного Российской Империи, без различия звания и состояния».¹⁰⁷ В своих письмах Оболенский никак не отреагировал на это. Зато реакция Александра II осталась запечатлена в его пометах на «царском обозрении» от 26 мая.

В обозрении пересказывались «основные положения» аксаковского проекта: «„Признавая за каждым безусловное право на свободу речи изустной и печатной, мы полагаем, говорит московская газета во вступлении, необходимым, чтобы каждый нес и ответственность за свое слово“. Ответственность эта должна быть определяема судом и притом судом общим для преступлений и проступков всякого рода, хотя и посредством особого судопроизводства, а именно: „создавая вновь“ суд присяжных. Вчинание исков предоставляет „День“ или частным лицам, оскорбленным прессою, или „Министерству внутренних дел, как министерству полиции“.

„Проект“ не допускает никаких предварительных ходатайств об издании журнала: желающий издавать журнал только „заявляет“ о том местной полиции.

„Одновременно с выпуском номера журнала, газеты или иного периодического издания и не позднее, как на другой день“, типография должна отсылать экземпляры в местную полицию, которая „не должна бы“ останавливать обращение оного в публике без приговора суда.

Преступления печати „относительно Верховной власти и правительства“ должны быть, по предположению „Дня“, преследуемы, но не приостанавливая обращения обвиняемых номеров издания».

Выделенные нами слова Александр II подчеркнул и рядом на полях оставил пометы. В первом случае: «Не следовало бы пропускать, ибо подобное право у нас не признается и не может быть признано». Во втором и третьем случае: «тоже» и отметил часть

¹⁰⁶ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 70.

¹⁰⁷ И. С. Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 552.

между пометами вертикальной чертой. В заключение он написал: «Должен сделать опять замечание за слабость цензуры».¹⁰⁸

28 мая Головнин писал императору по поводу пропущенного «проекта»: «Считаю долгом, в оправдание тайного советника Щербинина, дозволившего эту статью, всеподданнейше доложить, что напечатание этих правил уже вызвало в московской газете „Наше время“ опровержение оных и насмешку над ними и что подобными средствами можно сильнее действовать в пользу правительства, чем простым запрещением, которое производит всегда впечатление, что запрещают потому, что не умеют опровергнуть. При этом обязываюсь доложить, что гораздо легче запрещать статьи, чем отыскивать способных писателей и склонять их писать в пользу правительства, а редакторов убеждать печатать благонамеренные статьи».

Александр II, однако, оставил возле этого доклада помету: «Я остаюсь при моем мнении, что места, мною отмеченные, не должно было пропускать, как явно противные духу нашего правительства».¹⁰⁹

Показательно то, что Головнин счел нужным известить об очередной коллизии с «Днем» не только московскую цензуру, но и председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ. 30 мая управляющий министерством послал ему копию выдержек из аксаковского проекта и пометы на них императора, а в конфиденциальном письме предписывал: «...следя указаниям Его Величества, ввести более строгости в цензуре».¹¹⁰

Еще прежде того, 12 мая император подписал разработанные Головниним новые цензурные правила, они получили название «Высочайше утвержденные временные правила по цензуре». Получив их, Аксаков писал 22 мая Оболенскому: «Грешно тебе говорить, что „День“ их вызвал. Их вызвали ограниченный умишко и мелкая душонка Г(оловнина). Если кто скажет $2 \times 2 = 4$, а Г(оловнин)

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 113. Л. 41—41 об. Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // Исторический вестник. 1911. Сент. С. 964.

¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 100. Л. 74. «Наше время» — издававшаяся в Москве Н. Ф. Павловым, ежедневная газета, в 1862 г. ставшая официозом МВД (см. о ней: Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати 60—70-е годы XIX века. СПб., 1989. С. 101—106). «День» неоднократно полемизировал с этой газетой.

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 833. Ед. хр. 34. Л. 1.

этим обидится, так кто тут виноват? Правила такие, что соблюдать их нет возможности, и через две недели половина их будет уже нарушена.

Из постановлений прежнего времени они (т. е. Головнин и Валуев) удержали такие, которые уже давно отменены обстоятельствами». И, приведя ряд примеров тому, Аксаков воскликнул: «Подбей, ради Бога, чтоб эти правила были опубликованы».¹¹¹ «Временные правила по цензуре» действительно напечатали в том же году, но в составе не предназначавшегося для широкого круга «Сборника постановлений и распоряжений по цензуре...», выпущенного министерством народного просвещения.¹¹²

Критикуя новые правила (заметим, включавшие в себя некоторые послабления), Аксаков еще не знал, что правительство, вместе с введением их, брало курс на ужесточение цензурной практики. Так, 17 мая Головнин, указав на два только что подписанных им циркуляра (один из них ввел в действие те самые «Временные правила по цензуре»¹¹³) извещал Валуева: «Следуя системе постепенного введения большей и большей строгости в цензуре, я дошел теперь до того момента, когда должны начаться чувствительные взыскания, то есть увольнения цензоров и прекращения журналов».¹¹⁴

В это время редактор «Дня» еще надеялся продолжить цикл об обществе и 2 июня писал Елагину: «Летом я займусь (для осени и зимы) окончанием трактата об обществе, — дай Бог — не спутаться».¹¹⁵ Однако в эти самые дни достигла своего пика история, которая разрушила многие аксаковские планы. Поводом ко всему послужил «Очерк местного духовенства из одного провинциального города Западной России», опубликованный в «Дне» 12 мая.

22 мая Аксаков рассказывал Оболенскому: «Не знаю, откуда загорелся сыр-бор за статью о духовенстве, напечатанную в 31 №, от Головнина или от Урусова? Не думаю, чтоб от Ахматова».¹¹⁶

¹¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 72—73.

¹¹² Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 469—482.

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 208. Ед. хр. 220.

¹¹⁴ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 30. Благодарю Н. Г. Патрушеву, сообщившую мне эту цитату.

¹¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 4 об.

¹¹⁶ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 73. Сергей Николаевич Урусов (1816—1883) — с 1859 г. директор Духовно-учебного управления при Святей-

Отметим, что первоначально, как рассказывал Аксаков, «цензура не нашла никакого препятствия к напечатанию» статьи.¹¹⁷

История эта началась 15 мая, когда Александру II было подано очередное «царское обозрение», в котором рассказывалось лишь о двух публикациях. К обоим рассказам прилагались газетные вырезки с фрагментами статей. Обе они вышли в 31-м номере «Дня». Первая, в обзоре она называлась «Об ожидаемых преобразованиях цензуры», на самом деле являлась той самой передовой статьей о деятельности Комиссии князя Оболенского, которую обсуждали в переписке два друга. Вторая — в обзоре получила неточное название «О состоянии духовенства в одном из городов Западного края». Ее автор, описывая местную духовную «аристократию», которая делилась на «черную» и «белую» (монашествующих и женищих священников), подчеркивал, что при этой ситуации плачевной оставалась роль «плебеев», к которым относились, например, учителя духовных училищ. Пересказывая это, автор обзора подводил итог: «„Грустное, тяжелое впечатление выносим из изучения местного духовенства. Оно взяло на себя обязанность поддержать православие в нашей стране, а между тем само страдает такими глубокими язвами!“», заключает автор; нет даже надежды и на молодое поколение, которое воспитывается в старых преданиях».¹¹⁸ Возле второго обзора император на полях отметил: «Кем она написана?»¹¹⁹ Обычно, когда на подобный запрос императору докладывали об имени и служебном положении автора, он распоряжался сообщить о нем руководителю ведомства, в котором тот служил.

Было ли это «царское обозрение» подготовлено специально с целью спровоцировать скандал вокруг «Дня»? Никаких свидетельств тому нет. Факт то, что в первые шесть месяцев 1862 г. по числу отмеченных в «царских обозрениях» публикаций еженедельный «День» уступал только ежедневной газете «Северная пчела»

шем Синоде, член Главного управления цензуры от православного ведомства, в 1859—1863 гг. неоднократно временно исправлял должность обер-прокурора Св. Синода, с 4 марта 1862 г. статс-секретарь. Алексей Петрович Ахматов (1817—1870) — генерал-майор, с 1860 г. харьковский военный губернатор, с 28 февраля 1862 г. по 3 июня 1865 г. обер-прокурор Св. Синода, с 1864 г. генерал-адъютант.

¹¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 7 об.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 2 об.—3.

¹¹⁹ Там же. 2. Автором статьи, подписанной «К—н», был преподаватель Виленской духовной семинарии К. Ф. Еленевский.

П. С. Усова (у которой было отмечено 38 публикаций) и опережал еженедельник М. Н. Каткова «Современная летопись» (32:30).¹²⁰

Однако к Аксакову, не знавшему про «царское обозрение» и реакцию императора, дошли иные известия. 28 июня он рассказывал Блудовой: «Статья рассердила наше высшее черное и светское духовенство, — к которому принадлежит Урусов. Дней за 10 до рокового дня один мой знакомый, приехав из Петербурга, передал мне слова Урусова, что они (т. е. духовное ведомство) потребуют сведения об имени автора, велят по его статье произвести следствие, и если следствие окажется ложным, — поступят с автором — как с ложным доносчиком и т. п. Т. е. сошлют его в Соловки!...»¹²¹

Аксаков рассказывал князю: «Гол(евнин) прислал мне по Высочайшему повелению, требование, чтобы я объявил имя, звание и место жительства автора. Это требование объявлено было через цензурный комитет».¹²² О дальнейшем Аксаков передавал 2 июня Елагину: «...я заготовил было ответ, что автор мне неизвестен и что я беру на свою ответственность эту статью, но ответ вышел не ловок, и я его уничтожил».¹²³ Оболенскому же он 22 мая объяснял: «Я бы мог отвечать просто, что не знаю; если бы в предисловии от редакции к этой статье не было видно, что автор мне известен».¹²⁴ В итоге, в тот же день 22 мая редактор «Дня» дал следующий ответ: «Я принимаю на себя полную ответственность за статью о духовенстве, которую, по моему крайнему разумению, считаю вполне благонамеренной, ибо она указывает на необходимость улучшения нравственного состояния духовенства в том крае, где оно служит единственной опорой православия и главным представителем русской народности. Объявить имя автора, когда нет для меня уверенности, что он не подвергнется за свою статью преследованию, — есть для меня нравственная невозможность». В черновике Аксаков далее написал, но затем вычеркнул: «кото-

¹²⁰ Бадалян Д. А. «Против течения...»: феномен публицистики Ивана Аксакова в общественной жизни России 1850—1880-х годов // Дальний Восток, близкая Россия: эволюция русской культуры — взгляд из Восточной Азии / Под ред. В. Гречко, Су Кван Кима, С. Нонака. Белград; Сеул; Сайтама, 2015. С. 14.

¹²¹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 7 об.

¹²² Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 73. Запрос Московского цензурного комитета датирован 19 мая (Там же. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 14).

¹²³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 4 об.

¹²⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 73.

рую, вероятно, вполне поймут и те, от которых исходит самый запрос».¹²⁵

О том, как развивались события далее, Аксаков рассказывал Елагину: «На этот ответ пришло вновь подтверждительное требование Головнина с разными угрозами».¹²⁶ Министр ссылался на статью 61 Устава цензуры, согласно которой редактор обязан был знать имена, звания и места жительства авторов публикуемых им статей и сообщать их по запросу властей. Одновременно с новым требованием, рассказывал Аксаков, пришло письмо от Оболенского, который, по поручению Головнина, сообщал, что редактору «Дня» грозит судебный приговор: «штраф от 50 к. до 50 р. и арест до 7 дней» и, в результате объявления неблагонадежным, лишение редакторских прав.¹²⁷ Аксаков начал ответ с упрека: «Какое ты письмо ко мне написал! возмутительно пошлое, казенное, генеральское. Просто совестно и больно за тебя». Далее он объяснял: «На вторичный запрос Головнина я написал ответ, в котором подробно и откровенно объяснил — почему мне невозможно объявить имя автора. Я прошу „провергнуть мое объяснение на Всемилостив(ейшее) воззрение Его Величества, и предаюсь на правосудие Государя Императора“.¹²⁸ Все до последнего (не исключая и Цензурный комитет), прочитав мое объяснение, выразили мнение, что если мой ответ подлинным дойдет до Государя, то газета спасена».

Однако редактор «Дня» серьезно опасался, что министр не заинтересован в благополучном исходе дела. Он призывал Оболенского: «Если в тебе осталась хоть капля участия ко мне, то постарайся сделать так, чтобы моя бумага дошла в подлиннике до Государя — да прежде прочти ее саму у Головн(ина). Если Гол(овнин) вздумает держать ее под спудом, а Государю пошлет первый мой ответ или только выписку из второго, лишая его всякого букета и колорита, — то я пущу в обращение несколько десятков копий. Одна копия уже имеется в Петербурге наготове — в ожидании того, как поступит Головнин».¹²⁹

¹²⁵ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. № 116. Л. 16; РО ИРЛИ. Оп. 5. № 26. Л. 15. См.: Переселенков С. А. И. С. Аксаков и Александр II // Вестник литературы. 1920. № 8 (20). С. 12.

¹²⁶ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 17. Л. 4 об.

¹²⁷ Там же. Л. 4 об.

¹²⁸ См. Приложение (с. 466 наст. изд.).

¹²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 74—74 об.

Оболенский отвечал 5 июня: «Твое объяснение в подлиннике было представлено не лично, но послано при докладе, в котором испрашивалось повеление 1) тебе сделать выговор и 2) взять подписку, чтобы впредь при представлении статей в цензуру сообщал имя автора. — На это Государь собственноручно написал резолюцию, которая тебе будет сообщена». Передав по памяти изложение воли императора, князь добавлял: «Напрасно винишь Головнина, он сделал для спасения тебя и журнала более, чем я ожидал».

Тем не менее Аксаков не мог избавиться от мыслей о предвзятости к нему Головнина. Позже, 28 июня, он рассказывал Блудовой: «За неделю до окончательной резолюции Государя Оболенский, возвратясь от Головнина и убеждая меня объявить имя автора (так как он был уверен, что опасности автор не подвергнется), писал мне: „День“ не запретят, но велят передать другому Редактору, другого Редактора ты не найдешь, и „День“ прекратится сам со мною — без шума и скандала. Замечательно совпадение резолюции Государя с такого рода Головнинским предсказанием! Главная цель — избавиться от „Дня“ без скандала, — им достигнута».¹³⁰

Документы подтверждают, что Оболенский вполне точно передал содержание двух пунктов в докладе Головнина императору, подписанном 3 июня. Резолюция, наложенная Александром II на следующий день, гласила: «Этого недостаточно. Объявить ему, что он должен немедленно исполнить мою волю, на законе основанную и для всех редакторов равно обязательную, в противном случае лишить его права на издание журнала. — Сообщить ему мою заметку о понятии его о чести».¹³¹ «Заметка» императора заключала в себе слова: «Хорошо понятие о чести! Оно ему позволяет не исполнять закон и не позволяет изменить обещанию, которое он не имел права, как редактор, давать частному лицу».¹³²

Аксаков же рассказывал Блудовой о своем письме: «...я был уверен, что если только оно дойдет до Государя, то Государь ограничится одним формальным взысканием. Может быть, оно и было бы так, если бы Головнин предложил Государю поступить со мной по закону... Но Головнин, Бог знает из какой причины, вздумал некстати явиться милостивым и представил меня к выговору: мера

¹³⁰ Там же. Ед. хр. 8. Л. 9 об.

¹³¹ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 116; ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 154.

¹³² С. 466 наст. изд. См.: Переселенков С. А. И. С. Аксаков и Александр II. С. 13.

недостаточная, которая могла исходить только от милости Государя». По поводу же полученной им «заметки» Александра II, Аксаков говорил той же Блудовой: «Я понимаю, что Государю трудно различить эти две среды: среду законности внешней, формальной, и среду чисто нравственных обязательств. Его отношение к закону не то, что наше. Он не под законом, а сам источник закона. Думаю, однако ж, что он и сам бы не оправдал в душе своей человека, который бы сделал донос на отца и мать, как этого требовал такт у нас — до Алекс(андра) Павловича».¹³³

Стоит заметить, что 2 июня, за два дня до того, как Александр II вынес окончательное решение по «делу» Аксакова, министерство народного просвещения разославо циркуляр, в котором от имени императора предписывалось не пропускать публикации, имеющие цель «возбудить недоброжелательство и недоверие к правительству».¹³⁴ Это было время ужасающих пожаров 1862 г.: в столице они охватили целые кварталы, посеяв слухи и подозрения среди общества и власти.

5 июня, получив известия о решении императора, Оболенский писал своему другу: «В воскресенье я нарочно ездил в Царское к Анне Тютчевой, все за тебя хлопотали, все читали твоё объявление, все об этом говорили на вечере. — Великий Князь так же хлопотал. Вопрос так поставлен, что уступки ждать невозможно. — Ежели хочешь спасти газету, то или исполни закон, или представь на место себя другого редактора. — Это последнее средство рекомендую тебе в особенности».

Князь, собираясь к себе в имение, рассчитывал попасть в Москву проездом 7 июня всего на несколько часов. Аксакову он писал: «...имею крайнюю нужду тебя видеть — немедленно по приезде явлюсь к тебе, — до переговоров со мною постарайся не давать окончательного ответа».¹³⁵

Об этой встрече Аксаков рассказывал Блудовой: «Оболенский, проезжая через Москву в деревню, объявил мне со слов Головнина, что препятствий никаких к назначению Чижова не имеется, Анна Фед(оровна) писала мне то же».¹³⁶ После разговора с Оболенским Аксаков 9 июня направил Александру II еще одно письмо с объяснением своего поступка. Он уже не рассчитывал на схождение

¹³³ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 8—8 об.

¹³⁴ РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 1.

¹³⁵ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 437. Л. 38—38 об.

¹³⁶ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 8 об.

ние, но упорно стремился быть понятым монархом и в заключении писал: «Изложив побуждения, руководившие мною, испрашиваю Всемилостивейшего прощения Вашего Императорского Величества за то, что осмеливаюсь утруждать внимание Ваше, Государь, оправданием моих понятий о чести. Вашего Императорского Величества верноподданный Иван Аксаков, бывший редактор газеты „День“.¹³⁷ 18 июня Аксаков получил из Московского цензурного комитета известие, что государь «соизволил оказать ему особенную Монаршую милость во внимании к заблуждениям г. Аксакова, в которых Его Императорское Величество изволит видеть не какой-либо вредный умысел, но неразумение своих обязанностей».¹³⁸

В это время Аксакова волновало, сможет ли он продолжить газету под формальным редакторством своего друга Ф. В. Чижова, издателя газеты «Акционер».

2 июня, в день выхода последнего перед приостановкой номера, Аксаков писал Оболенскому: «Что же ты мне не отвечал на присылку мною 11 экземп(яров) моего „проекта“? Раздал ли ты их? Получил ли ты при этом письмо? Я исполнил твое желание, — а ты, вместо того, чтобы благодарить, выпустил против меня несчастного Фукса (секретаря м(инист)ра Вн(утренних) Дел по делам книгопечатания) в „Нашем Времени“. Ему я поместил приличный ответ — в 34 №».¹³⁹

Речь шла о «Заметке по поводу напечатанной в № 32 „Дня“ статьи о законодательстве по делам печати», той самой, о которой Головнин 28 мая докладывал Александру II. Ее автор, упрекая Аксакова в «отчаянной торопливости», утверждал: «в этом проекте много нового и хорошего, но все хорошее в нем не ново, а новое не хорошо».¹⁴⁰ Вероятно, что Фукса «выпустил» не Оболенский, а Головнин (возможно, и вместе с Валуевым). Редактор «Дня» в ответ не только подробно разобрал его рассуждения, но и, ука-

¹³⁷ Там же. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 25 об. См.: Переселенков С. А. И. С. Аксаков и Александр II. С. 13 (в этой части публикации нарушена последовательность событий).

¹³⁸ ИРЛИ. Оп. 5. Ед. хр. 26. Л. 26.

¹³⁹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 74 об. Виктор Яковлевич Фукс (1830—1891) — с 1861 г. чиновник особых поручений МВД, в ноябре 1861 — феврале 1862 г. входил в состав Комитета для пересмотра цензурного устава под председательством А. А. Берте, с 18 января 1863 г. стал членом Комиссии Оболенского.

¹⁴⁰ Наше время. 1862. 27 мая. № 112. С. 447.

зав, что Фукс — сотрудник газеты Министерства внутренних дел, дискредитировал их, как выражение официальной точки зрения. Он успел это сделать в последний момент перед приостановкой своего еженедельника.¹⁴¹

15 июня Головнин проинформировал Валуева, Долгорукова, а также брата последнего московского генерал-губернатора кн. Вл. А. Долгорукова, что Аксаков, по «высочайшему повелению» лишен права на издание газеты.¹⁴² Спустя три месяца Аксаков получил возможность выпускать «День» с другим официальным редактором, но им стал не Чижов, кандидатуру которого отверг Головнин, а Ю. Ф. Самарин. Только с января 1863 г. на страницах «Дня» снова появилось имя редактора-издателя Аксакова.¹⁴³

Более полугода деятельности аксаковского «Дня», до предела насыщенные столкновениями с московской и столичной цензурой, — срок достаточный, чтобы заметить и осознать одну важную тенденцию: главным оппонентом газеты являлся не министр народного просвещения Головнин (как, вслед за Аксаковым, полагали М. К. Лемке и Н. И. Цимбаев¹⁴⁴) и даже не министр внутренних дел Валуев, а сам император Александр II. Без его ведома не решалась судьба слишком многих публицистических выступлений «Дня», но далеко не всегда это становилось известно его редактору. И чем строже был суд императора, тем сильнее подозревал Аксаков исполнителей монаршей воли в ее искажении. При всей разнице эпох и конкретных обстоятельств эта коллизия напоминает другое время и другого деятеля славянофильства, о котором Н. А. Бердяев писал: «А. С. Хомяков любил Николая I, но в николаевском режиме он не мог быть терпим. (...) Такими были все славянофилы».¹⁴⁵

¹⁴¹ День. 1862. 2 июня. № 34. С. 13—15. См.: Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры. С. 479—480.

¹⁴² ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 155—156.

¹⁴³ См. подробнее: Письма и документы Ю. Ф. Самарина и А. В. Головнина о возобновлении издания газеты «День» (июнь — октябрь 1862 г.) / Публ. Д. А. Бадаляна // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2015. Вып. 7. С. 308—345.

¹⁴⁴ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. С. 181; Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. С. 113—114 и др.

¹⁴⁵ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. Томск, 1996. С. 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемое здесь «объяснение» Аксакова, направленное в Московский цензурный комитет, имело главным адресатом Александра II. Не случайно Аксаков в своем письме к Оболенскому 2 июня 1862 г. настойчиво просил того постараться, чтобы оно дошло до императора в подлиннике. Автор сделал с него несколько копий. Если бы послание не достигло августейшего адресата, Аксаков готов был, пустив копии в обращение, апеллировать к общественному мнению. Одну из них, как ясно из письма Оболенскому, он сразу же отоспал в Петербург (скорее всего, А. Ф. Тютчевой). Другую 28 июня отправил Блудовой,¹ но уже не с целью давления на Головнина, а чтобы полнее информировать ее о произошедшем. Еще не менее трех копий сохранились в архиве Аксакова (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. № 26. Л. 16—17 об., 18—19 об; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 1—6).

«Объяснение» печатается по микрофильму автографа, хранящегося в фонде Особенной канцелярии Министерства народного просвещения Российского государственного исторического архива (Ф. 773. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 20—21 об.). В отличие от автографа известные нам копии датированы 29 мая 1862 г. и имеют незначительные разнотечения (например, «грозит» вместо «может грозить», «последний» вместо «он», «краем» вместо «местностью»).

В Московский Цензурный комитет
редактора газеты «День»
объяснение

Вполне понимая, что мой отказ объявить имя, звание и место жительства автора статьи о духовенстве (в 31 № «Дня») должен показаться явным нарушением положительного закона, выраженного в 61 ст(атье) Уст(ава) о цензуре,² и — что еще важнее — ослушанием воли Государя Императора, — я беру смелость объ-

¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 8. Л. 8.

² Статья 61 гласила: «Имена сочинителей могут быть не печатаемы под статьями журналов и газет, если они сего желают, но с тем, чтоб имя автора было известно редакторам, и непременно цензуре, и чтоб редактор, по первому требованию правительства, объявлял имя и место жительство автора, под опасением, за неисполнение сего, наказания по ста-

ясниться откровенно. Я не думаю оправдываться; я знаю, что я виноват относительно закона и подлежу взысканию; я не ищу избегнуть заслуженной ответственности; но я не в праве допустить, чтоб побуждения, мною руководившие, были понимаемы ошибочно, как открытое неуважение к закону; я не могу допустить, чтоб меня разумели дерзким ослушником воли Государя, тогда как это ослушание было не преднамеренное, не произвольное, а решительно вынужденное понятиями о чести и честности*. Так, по крайней мере, мне кажется: во всяком случае, заранее подчиняясь всем последствиям своего поступка, я прошу только одного — чтоб это объяснение мое было повергнуто на Всемилостивейшее воззрение Его Величества.

Правило, выраженное 61 статьею Цензурного устава, никогда не исполнялось строго, во 1-х, потому, что оно неудобно для исполнения, во 2-х, потому, что обойти его чрезвычайно легко. Редакторы журналов получают множество статей по почте, без означения подписи, или же подписанные именем, очевидно, вымышленным. Не помещать этих статей потому только, что автор неизвестен, — тогда как они имеют достоинство и по содержанию своему не могут быть отложены до того времени, как разыщется автор, — этого не делал и не делает ни один редактор, кроме тех случаев, когда напечатание статьи может грозить неприятными последствиями. Случается и так, что редактор сам бывает обманут автором, выставившим под статьей ложное имя и ложный адрес, и таким образом может ввести в заблуждение и Цензурный комитет, если он пожелает узнать имя автора. Наконец, требование закона может быть обойдено и тем, что редактор, желающий скрыть имя автора, объявит Комитету имя вымышленное им же самим, а относительно места жительства объяснит, что получил рукопись без означения адреса, по почте, и что самая рукопись им, по отпечатании, уничтожена. Таким образом: и закон по наружности исполнен, и ответственности никто не подвергается.

тье 310 уложения о Наказаниях» (Свод законов Российской Империи, издания 1857 г. СПб., 1857. Т. 14. С. 13).

* Слова «а решительно вынужденное понятиями о чести и честности» подчеркнуты Александром II и возле них оставлена им помета — см. ниже.

По этому самому, правило 61 статьи почти всегда теряется из виду, и редакторы печатают сочинения, авторы которых им неизвестны.

Статью о духовенстве в Западной России я получил по почте от человека, мне до тех пор совершенно неизвестного. В своем письме он предоставлял мне право печатать ее *только в таком случае, если можно будет не объявлять его имени* (чего он боялся, будучи человеком бедным и беззащитным); в противном случае, т. е. *если для напечатания необходимо объявить имя, он решительно воспрещал печатание своей статьи* и просил смотреть на нее, как *на частное письмо*, предназначенное для моего личного сведения. — Статья показалась мне интересною. Зная, какое важное значение могло бы и должно бы иметь, но, к сожалению, кажется, не имеет, православное духовенство в Западном Крае, где вся сила образованности на стороне польского общества, где народ, — русский по происхождению, — невежественен, беден и загнан польскими панами, — я думал, может быть и ошибочно, что было бы не бесполезно, если бы внимание русского общества, в России, было обращено на деятельность православного западного духовенства. Для меня было важно не то, кто писал, — а что написано; а в написанном — не тот или другой факт, а общий типический характер деятельности и воззрений духовенства, очерченный, — как говорили мне многие, знакомые с местностью, весьма верно. Так как переговариваться с автором из-за тысячи верст было неудобно и продолжительно, и так как я решительно не ожидал, что появление этой статьи в газете будет поводом к запросу об имени автора, — то я и решился ее напечатать, вместе с предисловием, в котором объяснил ее смысл и значение.

Требование, чтобы я объявил автора, поставило меня в тяжелое затруднение. Мне не хотелось явиться ослушником, не хотелось прибегнуть к обману, объявив вымышленное имя и адрес. С другой стороны, обнаруживая автора, я давал ему, да и всякому: *полное право назвать меня бесчестным*. Автор разрешил мне печатание статьи только в таком случае, если его имя может не быть объявлено: следовательно, напечатавши статью, я тем самым *обязался*, в отношении к нему, не открывать его имени. Напечатавши статью и объявив имя автора, я по своей вине подверг бы автора незаслуженной ответственности, потому что автор, не согласившись на напечатание статьи, уже переставал быть автором, а становился частным корреспондентом, которого письмо составляло частную тайну.

Я должен был, по закону, возвратить ему рукопись, как неудобную для печати без объявления имени, но если я этого не сделал (по причинам, объясненным выше), так автор не виноват в том, что я поступил несогласно с законом. Объявить имя автора значило бы заставить его отвечать за мою собственную вину. Я прошу всякого вообразить себя на моем месте и спросить себя по совести: что мне оставалось делать?..

Как ни тяжело мне, необъявлением имени, навлечь на себя кару закона и явиться как бы послушником воли Государя, но я поставлен в нравственную невозможность поступить иначе, — и объяснивши с полною откровенностью свои побуждения, предаюсь на правосудие Государя Императора.

Иван Аксаков.

30 мая 1862 г. Москва.

Пометы:

Пол(учено) 30 мая 1862.

Немедленно представить в подлиннике Е(го) В(ысоко) п(ревосходительству) г. Управляющему Министерством народного просвещения.

Помета Александра II:

Хорошо понятие о чести! Оно ему дозволяет не исполнять закон и не дозволяет изменить обещанию, которое он не имел права, как редактор, давать частному лицу.

Помета Головнина:

Государь император собственноручно написать изволил:

Хорошо понятие о чести! Оно ему дозволяет не исполнять закон и не дозволяет изменить обещанию, которое он не имел права, как редактор, давать частному лицу.

4 июня 1862.
Ст(атс-)секр(етарь) Головнин.